

И. М. Дьяконов

КТО ТАКИЕ «ГУРУШИ» В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ III ДИНАСТИИ УРА?

Акад. А. И. Тюменев вновь поставил вопрос о социальном значении известного шумерского термина «гуруш» (KAL) (см. ВДИ, 1948, № 2, стр. 34 сл.). Я хотел бы в этой связи выяснить некоторые недоразумения, возникшие по поводу моей позиции в этом вопросе.

В моей заметке «Еще о термине KAL (guruš) в шумерском языке» (ВДИ, 1948, № 1, стр. 31 сл.) я указал, что термин «гуруш», применяемый, между прочим, к лицам, занятым в царском хозяйстве III династии Ура, имеет общее значение «взрослый мужчина» и может поэтому применяться к самым различным социальным категориям.

По существу то же самое утверждает и акад. А. И. Тюменев, когда он пишет, что применимость термина «гуруш» к обозначению «и полубога-героя Гильгамеша, и могущественного царя, и сильного (по своему общественному положению) человека... и рядовых воинов и, наконец, зависимых, влачивших жалкое существование работников», станет легко объяснимым, «если отнестись к возникновению этого термина к той первобытной эпохе, когда... существовало конкретное представление о взрослых, находившихся в полном расцвете сил, членах родовой общины» (там же, стр. 35). Таким образом здесь спора нет, так как и по акад. А. И. Тюменеву выходит, что «гуруш» — термин возрастной, а не социальный, по крайней мере в историческую эпоху, когда уже не существовало социально-возрастного деления общины.

Поэтому путем анализа самого термина невозможно определить, «какие общественные слои скрывались под этим неопределенным обозначением». Методически правильным для этого может быть только документальное установление характера деятельности и социального положения лиц, в каждом данном случае обозначаемых этим термином. Между тем акад. А. И. Тюменев полагает, что для этого достаточно «попытаться выявить первоначальное, исконное применение термина и затем проследить, как и в какой мере в дальнейшем изменялось это первоначальное значение» (там же, стр. 34). Как мне кажется, в моей заметке было показано, что, помимо значения «взрослый», «сильный» и т. п., термин «гуруш» никогда не имел других значений, что социального характера не имел ни один из оттенков его значения и что в любые эпохи этот термин мог применяться к любой социальной категории, как мы применяем термин «юноша», «мужчина», «старик» и т. д. Дело здесь не в том, что я подхожу к вопросу с формально-лексикологической точки зрения, а акад. А. И. Тюменев —

с исторической. С какой точки зрения ни подходить к слову «юноша», оно не раскроет социальной принадлежности лица, которое так обозначено. Точно таково же положение и с термином «гуруш». Поэтому и оказывается, что этим термином можно было в одну и ту же эпоху называть и царя и раба. Если бы термин «гуруш» был социальным, то он непременно фиксировался бы за одной какой-либо категорией во избежание путаницы. Шумерский язык, как правильно указывает акад. А. И. Тюменев, был достаточно богат, чтобы иметь специальные термины для столь различных социальных категорий, как царь, воин, раб, — и действительно имел такие термины. Если же лица столь разных категорий все же назывались общим термином «гуруш», то это было возможно только потому, что данный термин потерял всякое социальное значение (если он когда-либо его имел). Поэтому я и писал в свей заметке, что термин «гуруш» не раскрывает нам социального положения непосредственного производителя: если он работает на хозяина круглый год, то он раб, ибо не мог поддерживать собственное хозяйство; если только часть времени, то он не раб» (ВДИ, 1948, № 1, стр. 32).

Однако акад. А. И. Тюменев возражает на это (там же, стр. 34, примеч. I): «Данные хозяйственных документов с несомненностью показывают, что гуруш, как правило, заняты были в течение всего года» (точнее, не вообще «гуруши», ибо так можно было назвать кого угодно, а лица, называемые «гурушами», т. е. «взрослыми мужчинами», в *этих* документах. — И. Д.). «Вопрос, таким образом, — пишет далее акад. А. И. Тюменев, — стоит не о степени занятости гуруш, а об их происхождении: рекрутировались они из среды местного населения или же были рабами-военнопленными. Именно местное население я и имел в виду, когда говорил в своей статье об «общинниках» в значении членов данной городской общины в целом. Членами собственно земледельческих общин гуруш эпохи III династии Ура не могли быть уже по одному тому, что они заняты были в течение всего года в государственном хозяйстве».

Термин «взрослый мужчина» сам по себе (лексикологически или исторически) не более позволяет судить о происхождении лица, так названного, чем о его социальном положении. Для этого нужно опять-таки документально установить, что известно о данном «взрослом мужчине» или данной группе «взрослых мужчин». Однако мне кажется, что решающим моментом для определения социальной категории является не место происхождения принадлежащих к ней лиц, и не степень их занятости (которой я вовсе не имел в виду), а место данной категории в производстве, для непосредственных же производителей — прежде всего их отношение к собственности на средства производства. Как, повидимому, вытекает из приведенной выше цитаты, акад. А. И. Тюменев считает, что основная масса работников царского хозяйства III династии Ура оторвана от средств производства. Отсюда вытекает, что они могут быть только либо наемниками, либо рабами. Поскольку акад. А. И. Тюменев выделяет наемников особо, очевидно, что основную массу работников он считает рабами, возражая лишь против теории о рекрутировании их из военнопленных. Но если эти работники были производителями, оторванными от средств производства и эксплуатируемыми путем внеэкономического принуждения, т. е. рабами, — то правомерно ли называть их «общинниками» на том лишь основании, что они принадлежат к местному населению, и не внесем ли мы этим излишней путаницы в вопрос о вавилонской общине, и без того запутанный?

